

One of the limits of understanding is related to the linguistic nature of the literary text and involves the practice of “open” reading, emphasis on the text’s external relations and the “deciphering” of quotes. Another limit deals with dialogical, personal nature of a literary work and emphasizes the value-semantic integrity of a “polyphonic” literary expression. This allows one to raise a question of intertextuality as an aspect of understanding the unique artistic whole, influenced by life and cultural context.

Key words: intertextuality, interpretation, dialogue, reading event, M.M.Bakhtin, J.Kristeva, R.Barthes.

About the author: Maria Alexandrovna Lagoda, Assistant Lecturer at the Department of Literary Theory and Foreign Literatures.

Place of employment: Kemerovo State University

УДК 82.091

Л.А.Лысенко
Нижевартовск, Россия

ПОЭМА В ПРОЗЕ «ЛЕТО ГОСПОДНЕ» И.ШМЕЛЕВА КАК ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРАЗДНИКОВ

Аннотация. Иван Сергеевич Шмелев — глубоко религиозный, поистине православный писатель. Существует три главных истока религиозности Шмелева: во-первых, патриархальный уклад жизни в его семье, воспитание в детстве в духе православных традиций; во-вторых, брак с религиозной женщиной и, конечно, его православное отношение к бесчинствам революционного времени и гибели единственного сына Сергея. Объектом литературоведческого анализа в данной статье является поэма в прозе И.С.Шмелева «Лето Господне», предметом — отражение в ней круга русских православных праздников и связанных с ними традиций.

Цель предпринятого в статье анализа — доказать, что данное произведение Шмелева можно истолковать и практически использовать как энциклопедию православных праздников. Это произведение, являясь квинтэссенцией творчества И.С.Шмелева, основано на детском опыте писателя, выросшего в условиях патриархальной России. Свой детский опыт автор использует для того, чтобы показать всю красоту православия, его ценность как для конкретной семьи, так и для общества в целом. Главы «Лета Господня»: «Праздники», «Радости», «Скорби» — организованы круговоротом года и церковным календарем. В картинах своего детства Шмелев рассказывает, как этот календарь определял всю жизнь семьи, которая представляла в трех, но единых аспектах: дом, церковь, Москва. На первый взгляд, главы «Праздники» и «Радости» повторяют друг друга. В них есть и «Рождество», и Великий пост. Но «Радости» куда более «личные», автобиографические. Если в первой главе рассказывается о праздниках «всемирных», то во второй — о событиях семейных. Гораздо больше говорится здесь о внутреннем мире мальчика: о его размышлениях, чувствах, переживаниях, взаимоотношениях с домашними и, прежде всего, с отцом, который становится главным героем романа. Неслучайно две части «Именин» посвящены отцовскому празднику, а вся последняя глава — «Скорби» — его болезни, кончине, похоронам.

С помощью биографического, культурно-исторического, герменевтического методов и элементов системно-целостного анализа художественного произведения в статье утверждается, что поэму Шмелева, в которой в мельчайших подробностях описан круг церковных праздников, возможно использовать как энциклопедию православных праздников, в том числе и в практике школьного преподавания предмета «Основы православной культуры».

Ключевые слова: православие; праздники; детство; колорит патриархальной Руси.

Сведения об авторе: Лысенко Лидия Анатольевна, аспирант кафедры филологии и массовых коммуникаций НВГУ.

Место работы: Муниципальное бюджетное учреждение «Телевидение Нижевартовского района».

Контактная информация: e-mail: lla-08@mail.ru

«Шмелев есть прежде всего русский поэт — по строению своего художественного акта, своего созерцания, своего творчества», — так пи-

сал один из первых исследователей творчества И.Шмелева, его друг Иван Ильин. «В то же время он — певец России, изобразитель русского,

исторически сложившегося душевного и духовного уклада; и то, что он живописует, есть русский человек и русский народ — в его умилении и в его окаянстве. Это русский художник пишет о русском естестве. Это национальное трактование национального» [2. С. 335].

Поэму в прозе «Лето Господне» можно рассматривать как энциклопедию русских православных праздников и как вершину творчества Ивана Шмелева, поистине православного писателя. А его путь к тому, чтобы стать таковым, был нелегким.

Можно утверждать, что существует три главных истока религиозности И.Шмелева: во-первых, патриархальный уклад жизни в его семье, воспитание в детстве в духе православных традиций; во-вторых, брак с религиозной женщиной и, наконец, его православное отношение к бесчинствам революционного времени и гибели сына. В последние годы жизни за границей, как замечает А.Любомудров, Шмелев все более ощущал властное влечение к иному миру, олицетворением которого был для него православный монастырь. ... И желание его осуществилось: 24 июня 1950 г. он приехал из Парижа в небольшой монастырь, расположенный в Бюсс-ан-От. По воспоминаниям очевидцев, Шмелев был в приподнятом настроении, радовался, слыша звон церковного колокола. Вечером того же дня он скончался от сердечного приступа на руках монахини в стенах православной русской обители Покрова Божьей Матери [3. С. 146]. Таким был уход из жизни одного из самых православных писателей XX столетия.

Пожалуй, вершиной (квинтэссенцией) религиозного творчества Шмелева стала поэма «Лето Господне». Главы «Лета Господня», книги поистине удивительной, — «Праздники», «Радости», «Скорби» — организованы круговоротом года и церковным календарем. В картинах своего детства Шмелев рассказывает, как этот календарь определял всю жизнь семьи, которая представляла в трех, но единых аспектах: дом, церковь, Москва. И праздники, и радости, и скорби — в доме, в церкви, в Москве. Это была книга о самом дорогом, что виделось автору в жизни. Восприятие мира ребенком предстает у Шмелева как единственно подлинное, истинное, изначально народное.

Максим Дунаев отмечает, что «в “Лете Господнем” не соблюдена строгая хронология годового круга: Великий Пост — Пасха — Троица — Яблочный Спас — Рождество — Крещение...

а потом — Петровки — Покров — Михайлов день — опять Рождество — Вербное Воскресенье — Святая... Взаимопроникновение, взаимоналожение двух как будто не совпадающих во времени круговых движений. Но не проявлено: одни и те же дни описаны в разных главах или же различные. Рождество первой и Рождество второй глав — одно ли, или разные? Бессмысленный вопрос. Рождество всегда одно, единое, к какому бы году ни относилось. И “лето” — не один год, а время спасения. Герой книги живет как бы вне конкретного времени (он лишь некоторыми приметам намекает о себе, но не определяет жизни), все опирается лишь на время церковное, текущее по каким-то особым, неземным законам. Внутренний смысл хронологии «Лета Господня» еще предстоит разгадать» [1. С. 735]. Действительно, на первый взгляд главы «Праздники» и «Радости» кое в чем повторяют друг друга. В них есть и Рождество, и Великий пост. Но «Радости» куда более «личные», автобиографические. Если в первой главе рассказывается о праздниках, так сказать, «всенародных», то во второй — о событиях семейных... Гораздо больше говорится здесь о внутреннем мире мальчика: о его размышлениях, чувствах, переживаниях, взаимоотношениях с домашними и, прежде всего, с отцом, который становится главным героем романа. Неслучайно две части «Именин» посвящены отцовскому празднику, а вся последняя глава — «Скорби» — его болезни, кончине, похоронам. Главы «Донская», «На Святой», «Москва» рассказывают о Москве, а «Ледоколье», «Петровками», «Ледяной дом» представляют, так сказать, бытовые очерки, зарисовки замоскворецкой среды. О некоторых праздниках устами Горкина в поэме рассказывается довольно подробно. Среди них Пасха и особенности подготовки к ней во время Великого поста, Троица, Преображение Господне, Рождество, Святки, Крещение Господне, Вход Господень в Иерусалим или Вербное Воскресенье, Покров Пресвятой Богородицы, Радолица. По сути, эти праздники — основа православной веры, самые главные для любого христианина. Возможно, именно потому, для понимания духовной составляющей уклада православной семьи, эти праздники описаны очень точно: евангельская история праздников, традиции и обряды приготовления к ним, некоторые сведения о богослужениях. К тому же Шмелев словами того же умудренного опытом Горкина излагает, для еще более точного создания

колорита праздников, отрывки из тропарей праздников, стихир, кондаков, псалмов; из «Великого канона» св. Андрея Критского, из Евангелия. С первых же страниц «Лета Господня» читатель не только открывает для себя удивительный, вещно-зримый уклад замоскворецкого купечества, но и познает тесно переплетенную с этим укладом духовную культуру русских людей второй половины XIX в. Эта культура формировала особый тип сознания, свойства которого коренятся в православном мироощущении древнерусского средневековья. Немудрено, что древнерусская религиозная традиция, предполагающая двойственное восприятие мира (вечного, нетленного и земного, временного), буквально пронизывает все праздники и посты, весь календарь православной духовности, который скрепляет художественную структуру повести «Лето Господне». В этой двойственности мироощущения — один из истоков радостного, приподнятого отношения к жизни героя-повествователя, потому что он в предметном мире, в его обрядах и ритуалах различает явления жизни неизмеримо более высокой и благодатной. Вот почему маленький герой повести И.С.Шмелева охотно и радостно принимает все, что делают взрослые в Чистый понедельник, благоговейно вдыхая «незабвенный, священный запах» Великого поста». Все, из чего складывается освященный столетиями русского православного быта ритуал очищения души в Чистый понедельник, герой принимает как давно ожидаемое, знакомое, родное [4. С. 4].

Итак, «Великий пост». «Чистый понедельник». С него начинается первая глава — «Праздники». «Я просыпаюсь от резкого света в комнате: голый какой-то свет, холодный, скучный. Да, сегодня Великий Пост. Розовые занавески с охотниками и утками уже сняли, и оттого так голо и скучно в комнате. Сегодня у нас Чистый Понедельник, и все у нас в доме чистят... И радостное что-то копошится в сердце: новое все теперь, другое. Теперь уж “душа начнется”, — Горкин вчера рассказывал, — “душу готовить надо”. Говеть, поститься, к Светлому Дню готовиться» [5. С. 283]. Именно с подготовки к самому главному празднику — Пасхе — начинается поэма. И хотя пост праздником отнюдь не является, для православного человека, а особенно для ребенка, глазами которого читатель видит все события, это и есть настоящее торжество. Утром из дома выкуривают масленицу, убрали шторы с окон, с пола ковры, на мебель и на кар-

тины надели чехлы, «все домашние... в затрапезных платьях с заплатками, и мне велели надеть курточку с продранными локтями... теперь будет по-бедному, до самой Пасхи» [5. С. 285]. Кроме того, собираются на постный рынок за продуктами, перед иконами «зажгли “постную” голого стекла лампадку» [5. С. 284]. За окном слышится «плачущий и зовущий благовест — по-мни...по-мни...» [5. С. 284]. Изменяется и меню семьи: «Будут варить компот, делать картофельные котлеты с черносливом и шепталой, горох, маковый хлеб с красивыми завитушками из сахарного мака, розовые баранки, “кресты” на Крестопоклонной... а кутья с мармеладом в первую субботу, какое-то “коливо”! А миндальное молоко с белым киселем, а киселек клюквенный с ванилью, а...великая кулебяка на Благовещение, с вязигой, с осетринкой! А калья, необыкновенная калья, с кусочками голубой икры, с маринованными огурчиками... а моченые яблоки по воскресеньям, а талая, сладкая-сладкая “рязань”...» [5. С. 287]. Это, конечно, все внешняя сторона начала поста, бытовая. Но ведь и быт освящается, как и вся жизнь человека.

Дальше описывается сам религиозный обряд. Следующая глава «Ефимоны». «Я еду к ефимонам с Горкиным. ...Это первое мое стояние, и оттого мне немножко страшно. То были службы, а теперь уж пойдут стояния. Горкин молчит и все тяжело вздыхает, от грехов должно быть. Но какие же у него грехи? Он ведь совсем святой — старенький и сухой, как и все святые. И еще плотник, а из плотников много самых больших святых: и Сергей Преподобный был плотником, и святой Иосиф. Это самое святое дело.

— Горкин, — спрашиваю его, — а почему стояния?

— Стоять надо, — говорит он, поокивая мягко, как и все владимирцы. — Потому, как на Страшном Суду стоишь. И бойся! Потому — их-фимоны.

Их-фимоны... А у нас называют — ефимоны, ... — Господне слово от древних век. Стояние — покаяние со слезьми. Ско-рбе-ние... Стой и шопчи: Боже, очисти мя, грешного! Господь тебя и очистит. И в землю кланяйся. Потому, их-фимоны!..

Таинственные слова, священные. Что-то в них... Бог будто?... как будто та жизнь подходит, небесная, где уже не мы, а души» [5. С. 291]. Такими диалогами, в которых наставник Вани Горкин учит ребенка вере, православным обычаям,

традициям, умению понимать церковное богослужение, особенностям уклада жизни в зависимости от периода церковного календаря, пронизано все произведение. При этом автор использует лексику простонародную. Старенький Горкин повествует так, что читатель невольно начинает понимать смысл происходящего события, праздника. Тем не менее, в главах используются и выдержки из богослужебных текстов: например, в первой главе о Великом Посте звучит текст молитвы Св. Ефрема Сирина, которую принято читать в течение всего поста: «Господи и Владыко живота моего...» [5. С. 284]. А при описании «стояния на ефимонах» приводятся самые яркие по глубине духовного содержания строки Великого Покаянного канона Андрея Критского «Душе мо-я... ду-ше-е мо-я-ааа, Возстани, что спи-иши, Конец при-бли-жа...аа-ется...» [5. С. 296]. В оригинале слова написаны так, как и поются. Все это создает колорит православного покаянного настроения богослужения. В продолжение части «Великий Пост» идет описание бытовой жизни в великопостное время.

Таким образом, благодаря содержанию первой главы читатель может представить себе, как должно устраивать свою жизнь в столь строгое время — до Пасхи. Внимательный читатель сразу заметит приметы пасхальных традиций: и Плащаница еще находится в храме, и новая одежда на Горкине, и свечка именно красная, пасхальная, и подготовка Крестного хода, с которого и начинается торжественное Пасхальное богослужение. «Хрис-тос воскре-се из ме-ртвых...

— Ну, Христос Воскресе... — нагибается ко мне радостный, милый Горкин.

Трижды целует и ведет к нашим в церковь. Священно пахнет горячим воском и можжевелником... сме-ртию смерть... по-пра-ав..! Звон в рассвете, неумолкаемый. В солнце и звоне утро. Пасха, красная» [5. С. 331]. Практически кульминация главы — столь радостное описание празднования *Светлого Христова Воскресения*. Все: и работники, и хозяева христосуются, дарят друг другу пасхальные яйца и, конечно, создают атмосферу непомерно огромного торжества, радости и веселья.

В книге Шмелева «движение совершается от радостей к скорбям. От вступления в сознательный, отроческий возраст — к смерти. К смерти еще не собственной физической, но к переживаниям смерти — в прощании с умирающим отцом» [1. С. 735].

Даже в названии частей в главе «Скорби» прослеживается некоторая закономерность или даже предначертанность: Святая Радость — Живая вода — Москва — Серебряный сундук — Горькие дни — Благословение детей — Соборование — Кончина — Похороны. Так же как изменяются времена года, в круге церковных праздников есть ничем не нарушаемая последовательность, так и жизнь человеческая неизменно проходит от рождения до смерти. И точка во всей поэме ставится именно на Похоронах. Важно, что и в этой части мы находим подтверждение того, что поэма «Лето Господне», по сути, является энциклопедией русских православных праздников, потому что даже в главе «Скорби» фоном для рассказа о семейных событиях становятся православные праздники.

Таким образом, по мнению Осьминой, главным вопросом книги становится вопрос о спасении души. М. Дунаев, словно развивая эту мысль, пишет о смерти, что она — и горе, и радость. Недаром в самый момент смерти отца мальчик погружается в некое райское радостное видение (и неземное, и обыденно-привычное), в котором он встречается со здоровым и радостным отцом. Скорбь расставания и радость ожидания встречи — там [1. С. 736]. Итак, можно утверждать, что даже глава «Скорби» соответствует названию нашей работы. Только если первая глава рассказывает о жизни по вере в круге церковного календаря, то вторая — о смерти в вере, о том, как достойно приготовиться к смерти, и праздником в ней является весь ход приготовления к уходу в мир иной, но праздником исключительно для души.

Очень точно, довольно возвышенно И. Ильин писал об этом произведении: «...С тех пор, как существует русская литература, впервые художник показал эту чудесную встречу мироосвещающего Православия с разверстой и отзывчиво-нежной детской душой. Впервые создана лирическая поэма об этой встрече, состоящая не в догмате, не в таинстве, и не в богослужении, а в быту. Ибо быт насквозь пронизан токами православного созерцания; и младенческое сердце, не постигающее учения, не разумеющее церковного ритуала, пропитывается излучениями православной веры, наслаждается восприятием священного в жизни; и потом, повернувшись к людям и к природе, радостно видит, как навстречу ему все радостно лучится лучами скрытой божественности. А мы, читатели, видим, как лирическая поэма об этой чудной

встрече разрастается, захватывает весь быт взрослого народа и превращается в эпическую поэму о России и об основах ее духовного бытия... Так Шмелев показывает нам русскую православную душу в момент ее пробуждения к Богу, в период ее первого младенческого восприятия Божества; он показывает нам православную Русь — из сердечной глубины верующего ребенка» [2. С. 385].

Подводя итог, остается сказать, что поэма в прозе «Лето Господне» — действительно своеобразная настольная книга русских православных праздников, в которой внимательный читатель может найти исторические сведения, еван-

гельские истории, традиции и обряды, особенности богослужения и даже описание православной подготовки к смерти. Колорит патриархальной Руси, созданный в поэме, словно налитан осознанием вечных ценностей, которые на некоторое время были преданы забвению в нашей стране в связи с изменением политического устройства России и утратой обществом религиозных устоев. Теперь происходит процесс возврата к исконно русским традициям, восстановления церковных традиций одновременно с открытием для читателей таких произведений как «Лето Господне» Ивана Сергеевича Шмелева. Поистине русского писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дунаев М.М. Творчество И.С.Шмелева (1873—1950) // Православие и русская литература. Ч. 5. М., 2003.
2. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1996. Т. 6. Кн. 1.
3. Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе Русского зарубежья: Б.К.Зайцев, И.С.Шмелев. СПб., 2003.
4. Морозов Н.Г. Лето Господне И.С.Шмелева // Шмелев И.С. Лето Господне. М., 1998.
5. Шмелев И.С. Лето Господне. М., 1991. Т. 2.

REFERENCES

1. Dounaev M.M. Tvorchestvo I.S.Shmelyova (1873—1950) [I.S.Shmelyov's creative works] // Pravoslaviye i russkaya literatura. Part 5. Moscow, 2003 (in Russian).
2. Ilyin I.A. Collected Works: in 10 volumes. Vol. 6, book 1. Moscow, 1996 (in Russian).
3. Lubomudrov A.M. Dukhovny realism v literature russkogo zarubezhja: B.K.Zaitsev, I.S.Shmelyov [Spiritual realism in literary works of Russian émigré community: B.K.Zaitsev, I.S.Shmelyov]. St. Petersburg, 2003 (in Russian).
4. Morozov N.G. Leto Gospodne I.S.Shmelyova [Year of the Lord by I.S.Shmelev] // Shmelev I.S. Year of the Lord. M., 1998.
5. Shmelyov I.S. Leto Gospodne [The Summer of the Lord]. Vol. 2. Moscow, 1991 (in Russian).

L.A.Lysenko
Nizhnevartovsk, Russia

I.SHMELYOV'S POETIC NOVEL "THE SUMMER OF THE LORD" AS AN ENCYCLOPEDIA OF RUSSIAN ORTHODOX HOLIDAYS

Abstract: Ivan Shmelyov is a firmly religious, truly Orthodox writer. The writer's religiosity was can be attributed to three main reasons. First, he was brought up in a patriarchal family in the spirit of the Orthodox traditions. Second, he married a religious woman. And third, he had a pure Orthodox attitude towards the excesses of the revolutionary period and the death of his only son Sergei. This article analyses Shmelyov's prose poem "The Summer of the Lord" and the way Russian Orthodox holidays and related traditions are reflected in the poem.

The overall purpose of the analysis is to prove that Shmelyov's novel can be interpreted and used as an encyclopedia of Orthodox holidays. This literary work, being the quintessence of Shmelyov's creativity, is based on the writer's childhood experience of the Russian patriarchal society. Using his childhood experience, the author shows

the beauty of Russian Orthodoxy, its value for a particular family and for society as a whole. The chapters of “The Summer of the Lord” – “Holidays”, “Joys”, “Sorrows” are organized within the annual circle and church calendar. Using the stories from his childhood, Shmelyov tells the reader how this calendar defines the entire family life reflected in three major aspects, such as the house, the church, and Moscow. At first glance, the chapters of “Holidays” and “Joys” repeat each other, as they tell about Christmas and Lent. However, the “Joys” are much more “personal”, autobiographical. The former chapter deals with national holidays, the latter tells the reader about family events and about the inner world of a little boy, about his thoughts, feelings, experiences, relationships, especially about the relationship with his father who becomes the protagonist of the novel. That’s why the writer devoted two chapters to the father’s life, such as “Nameday”, a chapter about father’s holiday, and “Sorrows”, a chapter about his illness, death, and funeral.

Using biographical, cultural, historical, and hermeneutical methods and elements of the system analysis, the author of this study argues that Shmelyov’s novel describing a range of religious holidays in detail may be used as an encyclopedia of Orthodox holidays for teaching the course of “Fundamentals of Orthodox Culture” in schools.

Keywords: Russian Orthodoxy; holidays; childhood; character of patriarchal Russia

About the author: Lydia Anatolievna Lysenko, post-graduate student at the Department of Philology and Mass Communication, Nizhnevartovsk State University.

Place of employment: Municipal Budget Institution “TV Nizhnevartovskogo rayona” (Nizhnevartovsk District Television)